

Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте

© доктор педагогических наук Ю. Е. Прохоров, 1999

Пространство есть форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах.

"Философский энциклопедический словарь",
М., 1983. С.541.

Термин "пространство" в последние годы стал активно использоваться в работах лингвистов и культурологов, специалистов в области лингводидактики: речь идет о "пространстве и времени человека культуры", "культурном пространстве человека говорящего" и "человеке, говорящем в пространстве культуры", "ментальном пространстве" и др. В этом плане особо можно выделить работу Ю.С. Степанова "В трехмерном пространстве языка" (Степанов 85). Очевидно, исследования в этих областях подошли к тому качественному этапу анализа и обобщения, когда возникает естественная потребность выхода на следующий уровень абстракции, потребность более широкого взгляда на полученные результаты. Осознание многомерности любого явления, связанного с реализацией потребностей человека в речевом общении в современном мультикультурном пространстве, приводит к стремлению осмыслить и собственно "человека говорящего", и "человека общающегося" — причем как на уровне "определенной говорящей единицы некоторого лингвокультурного сообщества", так и на уровне "определенных общающихся единиц разных лингвокультурных сообществ". При этом, констатируя сходство и несходство этих "единиц", исследователи все чаще обращают внимание на то, что реальный межкультурный диалог, хотя и опирается на совпадающие элементы (знания, навыки, потребности и др.) "общающихся единиц", направлен все же на возможность выявления, осознания и уподобления элементов и структур различающихся: "Ценность диалога оказывается связанной не с пересекающейся частью (языкового и культурного пространства участников диалога — Ю.П.), а с передачей информации между непересекающимися частями... Мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе — делает его невозможным. Более того, чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях (разр. наша — Ю.П.) становится факт этого парадоксального общения... Непонимание (разговор на не полностью идентичных языках) представляется столь же ценным

смысловым механизмом, что и понимание" (Лотман 92,15-16). На более обобщенно-философском уровне об этом размышляет и В.С. Библер, настаивающий на логической ответственности за понятие "диалог культур". Исследователь говорит о том, что диалог не есть простое сравнение, взаимодействие, сопоставление, любое соотнесение одной культуры с другой. Диалог культур есть "логика диалога логик", "спор возможностей культуры". "Понятие культуры предполагает (если мы хотим осмыслить насущность идеи "диалога культур") некую "лауну", пустоту между культурами. Если культуры "вплотную" "пригнаны" друг к другу..., тогда диалог не может состояться, состоится лишь развитие или трансформация этой культуры в другую... Короче, культура всегда отделена от культуры этой пустотой, лакуной, зазором "небытия", и через эту пустоту и идет собственно диалог культур, он впервые возможен" (Библер 96, 130-131; выд. авт. — Ю.П.).

Очевидно, что особенность этого несовпадения, этого отстояния культур должна проявляться при общении, при коммуникации на некотором глобальном уровне, реализующим себя в частных элементах формы, содержания и организации этого общения (ибо при глобальной реализации самого несовпадения не может идти речь и о самом общении, самой коммуникации). В связи с этим представляется необходимым определение уровня этого несовпадения и установление тех параметров, на которых этот уровень проявляется. При этом выявленный уровень должен соотноситься с общими глобальными признаками процесса коммуникации, должен быть им "равнозначен" и "равноценен". Но, поскольку в коммуникации реализует себя конкретная общающаяся личность, он должен быть соотносим и с ее структурой, находить отражение своей "глобальности" в частных проявлениях организации и реализации этой личности. Именно от личности, от выявления этих частных реализаций глобального, очевидно, исследует строить рассуждения, так как, в противном случае, есть опасность "оторваться" от самого субъекта и объекта общения.

В работах последнего времени общепризнанным стал тот конструкт языковой личности, который разрабатывается Ю.Н. Карауловым: "Структура языковой личности представляется состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную "картину мира", отражающего иерархию ценностей... ; 3) прагматического, включающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценки ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире" (Караулов 89,5). Автор справедливо отмечает также, что концепт-

ция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом коррелирует с тремя типами коммуникативных потребностей (контактоустанавливающей, информационной и воздействующей) и тремя сторонами процесса общения (коммуникативной, интерактивной и перцептивной), подчеркивая при этом, что речь идет о коммуникативно-деятельностных потребностях личности (Караулов 87, 214-215; ср. аналогичные рассуждения — уже в лингводидактическом плане в: Азнаурова 97).

С позиции анализа общения и обучения общению интересным представляется развитие теории языковой личности в сторону внимания к соотношению в личности языка и речи, и, соответственно, к выделению понятия "речевая личность": "В нашем понимании любая языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей. В целях преподавания русского языка как иностранного (т.е. при рассмотрении этой личности в межкультурном общении — Ю.П.) различные языковые личности могут дифференцироваться, во-первых, по уровню языковых знаний, во-вторых, по степени владения видами речевой деятельности, а в-третьих — по тем темам, сферами коммуникативным ситуациям, в рамках которых происходит речевое общение" (Клобукова 95а, 322-323).

Языковая личность — с позиции лингводидактики — трактуется как многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей (Клобукова 95б, 20; 97, 29). Полностью признавая плодотворность данной идеи, представляется необходимым уточнение этого понятия в сторону выделения именно тех характеристик, которые, с одной стороны, позволят включить речевую личность в состав языковой личности (в родо-видовом соотношении), а с другой — определить собственно речевую личность как вступающий в общение на данном языке феномен.

Предложенные Л.П. Клобуковой три критерия дифференциации языковой личности по сути — видоизмененная трактовка ее составляющих "по Караулову". Первые два уровня в его определении относятся к нормальному владению естественным языком, что подразумевает как языковые знания, так и виды речевой деятельности. Третий критерий охватывает второй и третий уровни, так как связан с когнитивными и прагматическими параметрами общения, хотя специфику речевой личности, очевидно, и следует искать в этих параметрах. Если языковая личность — это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. В этом случае речевая личность — набор элементов языковой личности, реализация которых связана со всеми экстралингвистическими и лингвистическими характеристиками данной ситуации общения: ее коммуникативными целями и задачами, ее темой, нормой и узусом, ее этнокультурными, социальными и психологическими параметрами. Знание этих параметров и принципов их реализации в

конкретной ситуации общения заложено на когнитивном и прагматическом уровнях языковой личности, а выбор конкретных из них для данного речевого общения определяется самим содержанием общения: основная целостная единица языкового общения — это вербальный коммуникативный акт, который входит в состав некоторого акта совместной деятельности (см. Городецкий 92).

Естественно, что все три составляющие языковой личности проявляются в ней и как в личности речевой (более того, можно отметить, что именно в ней они и вообще проявляются, так как языковая личность — в ее соотношении в речевой — есть некоторая "вещь в себе", некий концепт, а не реальный "говорящий"). Их рассмотрение позволит выделить ту специфику, то "отстояние" речевой личности одной лингво-культуры от личности другой лингво-культуры (в другой терминологии — национально-лингво-культурного сообщества), которая и проявляется в их общении.

1. Вербально-семантический уровень личности .

Определенный Ю.Н. Карауловым как уровень нормального владения естественным языком, этот уровень также, по нашему мнению, не одномерен. Нормальный уровень владения языком может рассматриваться, во-первых, как явление чисто лингвистическое, понимаемое, по крайней мере, в трех направлениях: 1) регламентирующе-регулирующая функция нормы по отношению к конкретным языковым единицам и речевым фактам из сферы литературного языка; 2) функционально-стилевой аспект нормы, предполагающий рассмотрение и установление известных регламентаций в использовании языковых единиц в рамках того или иного стиля, а также принципы организации композиционно-речевой структуры соответствующих текстов; 3) норма как общий принцип построения литературных текстов и организации языкового материала в них (см. Бельчиков 88, 9).

Во-вторых, речь может идти об уровне, нормальном, достаточном для осуществления коммуникации в определенных сферах общения. Если принять во внимание, что "сферы общения – это исторически обозначившиеся области, зоны коммуникации, которые существенно различаются по мотивам, целям, содержанию, формам и языковым средствам осуществления речевой деятельности" (Изаренков и др. 97, 97), то уже можно отметить, что речь в реальности может идти о нормальном владении языком именно на уровне речевой личности, реализующей себя в некотором наборе сфер общения, необходимом для ее существования в данной социокультурной среде. Это понимание во многом соотносится и с более широким рассмотрением нормы как явления коммуникативно-прагматического: "Под коммуникативно-прагматической нормой мы понимаем правила отбора языковых средств и построения высказываний (текстов) в различных типичных ситуациях общения с разной коммуни-

кативной интенцией в определенном обществе в данный исторический период его развития" (Анисимова 88, 65). Ср.: "Языковая норма может быть определена как комплекс представлений носителя данного языка о том, какие языковые и речевые формы в различных коммуникативных ситуациях являются наиболее адекватными для осуществления интенций говорящего" (Назаров 90, 20). При таком понимании "нормального владения языком" устанавливается четкая взаимосвязь вербально-семантического уровня с другими составляющими структуры языковой личности.

На наш взгляд, многомерность этой составляющей языковой/речевой личности достаточно для нашего уровня рассмотрения представлена в той структуре, которая реализована в лингводидактической модели языковой личности Г.И. Богина, и в которой человек рассматривается с точки зрения его "готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи" (Богин 84, 1): данная модель есть трехмерное образование на пересечении трех осей — уровней языковой структуры, уровней владения языком и уровней видов речевой деятельности. При этом эта модель не рассматривает саму структуру общения, особенности ее организации и проявления в определенной культурно-языковой общности, т.е. не выходит за рамки именно первой, собственно языковой/речевой составляющей личности.

Можно также отметить, что в работах последнего времени все более отчетливо прослеживается мысль о том, что и уровни языковой структуры, и уровни владения языком — явления многомерные, при рассмотрении которых объективно необходим учет реализации "языка в речи". Речь идет о "нормативности языкового сознания" — нормативной (для данного времени) уровне языковой рефлексии личности (см. Виноградов 95). Мысль о том, что грамматика лексикализована, а лексика грамматикализована, позволяет говорить о национально-специфически закрепленной "грамматике смыслов", рассмотрение которой реализуется чисто лингвистическими приемами (см. Воротников 95). К этим явлениям, реализуемым личностью в процессе коммуникации в определенной социокультурной среде, можно, очевидно, отнести и такие явления, как владение языковыми формами выражения элементов синонимической аттракции (темы, занимающие видное место в интересах и деятельности того или иного коллектива, привлекают и большее число синонимов); элементов народных таксономий (сложившихся в данной этнической общности классификации предметов и явлений окружающего мира); элементов реализации "принципа кооперации" (правила учета данной этнической общностью объема коммуникативного вклада в зависимости от совместно принятой цели); элементов реализации принципа вежливости (правила данной этнической общности в оценке и сведении к минимуму выражения невежливых мнений и суждений) и др. Хотя сами эти правила и принципы обычно относят к коммуникативно-прагматической

стороне общения, владения языковыми средствами их реализации (а в методическом плане — обучение владению ими) может быть, на наш взгляд, отнесено именно к данному уровню реализации речевой личности.

Если, однако, признать правомерной предложенную схему организации языковой/речевой личности, то ее трехмерность позволяет говорить о том, что эта личность реализуется в языковом/речевом пространстве, под которым может пониматься определенным образом структурированная совокупность языковых знаний и умений их реализации, необходимо присваиваемая личностью в процессе ее речевой деятельности в данной лингво-культурной общности.

2. Когнитивный уровень языковой/речевой личности.

К этому уровню относится определенная, национально-специфическая совокупность понятий, идей, концептов, складывающаяся в некоторую картину мира, присвоенную личностью в данной социокультурной среде и реализуемая ей в речевом общении. Именно этот уровень языковой/речевой личности в последнее время наиболее пристально и последовательно рассматривается специалистами. Нам представляется чрезвычайно продуктивным для рассмотрения этих вопросов введение в научный обиход понятия "когнитивного пространства", которое "есть определенным образом структурированная совокупность всех знаний и представлений, присущих либо (1) конкретной языковой личности (ИКП [индивидуальное когнитивное пространство]), либо (2) тому или иному социуму (КПП [коллективное когнитивное пространство])" (Красных 97а, 131). Соответственно, внимание уделяется и выявлению организующих его единиц — когнитивных структур, обеспечивающих реализацию коммуникативных потребностей личности в определенной социокультурной общности.

Под когнитивными структурами понимается некая форма кодирования и хранения информации (см. Красных 97б, 62; это определение кажется нам более точным, чем данное в других работах: они представляют собой некую "содержательную" (т.е. имеющую определенное содержание-значение) форму кодирования и хранения информации [см. Красных 97а, 97д.] — речь идет не о содержательной форме кодирования, а о форме кодирования содержания). При этом выделяются лингвистические и феноменологические когнитивные структуры, реализуемые в организации языковой личности. Первые "лежат в основе языковой и речевой компетенции, они формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке" (Красных 97а, 72). В принципе, такое понимание лингвистических особенностей организации языковой личности можно относить и к проявлению когнитив-

ных структур, однако, на наш взгляд, это свидетельствует, по крайней мере, о двух особенностях исследовательского подхода. Во-первых, речь идет о максимально широком подходе к пониманию когнитивных феноменов: не случайно в работах авторов этой концепции речь регулярно идет как о когнитивных, так и о лингво-когнитивных явлениях, причем оба этих термина рассматриваются как синонимы (см. Гудков 96; Красных 97б,г). Во-вторых, содержание, вкладываемое в указанное понимание лингвистических феноменов, может рассматриваться как принадлежность когнитивной составляющей личности именно языковой — при рассмотрении речевой личности, т.е. личности в общении, в коммуникации, это содержание может полностью быть отнесено к ее первой, вербально-семантической составляющей, о которой мы говорили выше (можно отметить даже, что и по "триаде Ю.Н. Караулова", относящейся только к языковой личности, это содержание также будет относиться к ее первой составляющей).

Понятия, идеи, концепты и т.п. не являются сами по себе лингво-когнитивными/лингвистическими феноменами: они "овеществляются" с помощью языковых средств, "лингвистических структур", будучи явлениями, безусловно относящимися к когнитивному уровню организации и реализации личности в общении. И, на наш взгляд, их можно отнести к феноменологическим когнитивным структурам, которые "формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической... природы" (см. Красных 97б, 63; в свете приведенных выше рассуждений мы позволили себе снять в цитируемом определении слова "и собственно лингвистической природы"). Эти явления входят в ментально-лингвальный комплекс языковой личности, под которым понимается "функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся информационная система, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу (трансляцию) информации"; "качество каждого компонента МЛК и всего МЛК в целом определяется индивидуальными способностями и условиями, в которых происходит социализация человека" (Морковкин и др.94; 64, 65).

Ко второй структурной составляющей когнитивного пространства могут быть, на наш взгляд, отнесены ментальные когнитивные структуры. Эти вопросы могут быть рассмотрены в рамках выдвинутой О.Г. Почепцовым теории языковой и речевой ментальности (Почепцов 90). В понятии языковая ментальность язык рассматривается как единство языка-системы и языка-деятельности, или речи; она включает в себя языковую ментальность (где язык — как система) и речевую ментальность (где язык — как речь); языково-мыслительные акты состоят из языковоментальных актов — акта концептуального и/или фокусного представления мира, и речементальных актов — актов ситуационного представления мира (с.114). Языковую ментальность, по мнению автора,

по отношению к индивиду формируют: 1) особенности данного индивида как представителя некоторой социокультурной группы (образовательный уровень, профессия, возраст, пол и т.п.); 2) особенности, которые определяются его социокультурной средой (особенности страны как социокультурной среды – ее культурные традиции, история, политическое устройство и т.п.), “таким образом, социокультурные стереотипы восприятия мира формируют языковую ментальность” (там же, 118-119). Автор справедливо считает, что типы ментальности следует выделять не по языковому, а социокультурному признаку: при этом “различия между языковыми ментальностями представителей разных социокультурных групп, которые являются членами одной языковой общности, могут оказаться более значительными, чем различия между языковыми ментальностями представителей одной социокультурной группы, принадлежащих к разным языковым общностям” (там же, 120).

Этот вывод представляется важным для процесса обучения общению на новом языке, так как вскрывает принципиальные различия в выборе как собственно методики обучения (разной, например, для подготовки конкретной речевой личности нефилолога, языковая ментальность которой входит в свое единое “научно-планетарное сознание” (Тарасов 92, 52) и филолога, у которого свое), так и в подходах к описанию ментальности для процесса обучения языку — исходя из ментальности обучающегося, например, европейца, относящегося к “общеевропейскому сознанию” (Тарасов 92, 52), представителя “азиатского сознания”, “северо-американского сознания”).

Интересными представляются, в плане данного исследования, и выделяемые автором различия, которые можно обнаружить на уровне речевой ментальности (речементальных актов): они связаны с объемом (например, предложение языка оригинала требует более чем одного предложения языка перевода); концептуальным набором (например, выражение “время — деньги”, активно живущее в русской речи, всегда воспринимается как выражение “американской ментальности”); значением концептуальных переменных (в британской ментальности А.Д. Сахаров характеризовался как “отец водородной бомбы”, “право-защитник”, в русской — как академик, “народный депутат”); степенью конкретности значений концептуальных переменных (специфика американской стоимости и русской — первая никогда не будет “круглой” /49,99\$, вторая всегда скорее будет на 0 или 5) (Почепцов 90, 121).

3. Прагматический уровень языковой/речевой личности.

К прагматическому уровню относятся, во-первых, национально-детерминированные (при всей их межкультурной релевантности) принципы, конвенции, стратегии и правила общения. Во-вторых, эти правила реализуются на базе прагматических пресуппозиций, включающих национально-определенный набор общих фоновых знаний, в том числе и

представлений о контексте. Третьим вектором прагматического уровня можно считать национально-детерминированные ценностные характеристики прагматического контекста. Многовекторность прагматической составляющей речевого общения естественно приводит исследователей к ее рассмотрению в пространственных параметрах: "Как известно, в процессе общения с помощью языка на первый план выступает субъект речевых действий, определяющий и очерчивающий некое прагматическое коммуникативное пространство. Прагматическим пространством языка образно назовем ту обширную зону, где язык фиксирует многообразные отношения говорящего к действительности, и пользующийся языком в процессе коммуникативной деятельности а) называет, б) указывает, в) выражает эти отношения, а адресат воспринимает и истолковывает эти смыслы" (Формановская 98, 8).

Говоря об общем фонде знаний, необходимых при общении для производства и воссоздания информационного пространства текста (в его широком понимании), следует отметить и теорию пространственного распределения этих знаний, которая также относится к прагматической составляющей общения (в некоторых работах — к когнитивно-прагматической). Эти знания распределены в следующих видах ментальных пространств: индивидуальном, социальном и универсальном (см. Яковенко, 1998). Наличие пространственных параметров реализации в общении любой и каждой языковой/речевой личности позволяют, на наш взгляд, говорить еще об одном уровне осмысления этого общения уровне коммуникативного пространства, в котором эта личность может себя реализовать. *Под коммуникативным пространством нами понимается совокупность сфер речевого общения, в которой определенная языковая личность может реализовать в соответствии в принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами необходимые потребности своего бытия.*

Понятие "коммуникативного пространства" использует в своих работах и Б.М. Гаспаров, понимая под ним "мысленно представляемую среду, в которой говорящий субъект ощущает себя всякий раз в процессе языковой деятельности и в которой для него укоренен продукт этой деятельности"... "Понятие КП представляется мне более широким, чем жанр; оно включает в себя, наряду и вместе с собственно жанровой характеристикой, такие свойства языкового сообщения, как его "тон", предметное содержание и та общая интеллектуальная сфера, к которой это содержание принадлежит; оно включает в себя также коммуникативную ситуацию, со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника. Важную сторону КП составляет представление автора сообщения о реальном или потенциальном партнере, к которому он обращается, его интересах и намерениях, о характере своих личных и языковых взаимоотношений с ним. На-

конец, свой вклад в КП вносит самосознание и самооценка говорящего, представление о том, какое впечатление он сам и его сообщение должны производить на окружающих" (Гаспаров 96, 295-296). На наш взгляд, все эти "строительные элементы" культурного пространства отражены и в нашем определении, но, так сказать, "более крупными конструкциями": все они могут быть разнесены по языковым, когнитивным и прагматическим блокам. Однако сам факт обращения к этому понятию, хотя автор и приходит к нему другим путем, через анализ жанровых параметров прежде всего художественного текста, свидетельствует о необходимости более глубокого и внимательного рассмотрения данного, наиболее обобщенного уровня речевого общения.

С точки зрения представленных выше рассуждений интересным представляется и развитие И.Э. Клюкановым понятия "коммуникативного универсума", который он связывает с проблемой межкультурного взаимодействия. При этом и сама культура понимается как "коммуникативная личность", реализующаяся тремя векторами традиционности, модерности и постмодерности (Клюканов 98, 56). Векторными характеристиками характеризуется и коммуникативный универсум межкультурного взаимодействия: он может быть представлен как пересечение трех осей координат — действительности, языка и сознания (см. Клюканов 89); его можно представить как своеобразное поле, образуемое пересечением глобальных координат эпистемности, социальности, темпоральности и аффективности (Клюканов 98, 44). Поскольку любое явление, расположенное в системе трех координат — явление суть пространственное, то и в первом, и во втором его понимании (с учетом предложенного именованного координат) можно говорить о коммуникативном универсуме как о пространстве. (Наличие четвертой координаты во втором определении не делает его "четырёхмерным пространством", а только ставит вопрос о уровне выделения указанных критериев, что мы в данном момент не обсуждаем). При этом можно также отметить и справедливое замечание И.Э. Клюканова о том, что "общение между разными культурами (которые, как отмечено нами выше, по мнению автора есть коммуникативные личности — Ю.П.) возможно лишь потому, что различные позиции (оценки) объектов устанавливаются на одних и тех же координатах" там же, 27). Это значит, что в своих коммуникативных потребностях любая личность может в общении с любой культурой (в моно или межкультурном общении) "разложить" ее для осуществления коммуникации только в тех координатах, которые и могут существовать в ней как в личности — т.е. в трехмерных, пространственных координатах.

Таким образом, речевая личность — это языковая личность в общении. И на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения. С позиции обучения языку как

средству общения необходим двусторонний подход к национально-культурной составляющей процесса обучения: с одной стороны, речь идет о совокупности национально-специфических знаний и умений русской языковой личности, которыми должна овладеть иноязыковая личность; с другой — о совокупности умений, которые должна реализовать языковая личность в общении, т.е. (в идеале) об овладении совокупностью национально-специфических практических умений русской речевой личности во всех формах общения на русском языке в необходимом для ее бытия инокультурном и иноязыковом коммуникативном пространстве.

Л и т е р а т у р а

1. Азнаурова 97 — *Азнаурова Т.Н.* Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): Автореф. ... д-ра пед. наук. М., 1997. 41 с.
2. Анисимова 88 — *Анисимова Е.Е.* Коммуникативно-прагматические нормы // *Философские науки.* 1988. № 6. С. 64-69.
3. Бельчиков 88 — *Бельчиков Ю.А.* Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М., 1988. 157 с.
4. Библер 96 — *Библер В.С.* О логической ответственности за понятие "диалог культур" // *АРХЭ: Ежегодник культурологического семинара.* Вып. 2. М., 1996. С. 125-144.
5. Виноградов 95 — *Виноградов С.И.* К вопросу о нормативности языкового сознания // *Этническое и языковое само сознание: Материалы конференции (Москва, 13-15 декабря 1995 г.).* М., 1995. С. 24-25.
6. Воронников 95 — *Воронников Ю.Л.* "Картина мира" и грамматика смыслов // *Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции (Москва, 13-15 декабря 1995 г.).* М., 1995. С. 27-28.
7. Гаспаров 96 — *Гаспаров Б.М.* Язык, Образ, Память. Лингвистика языкового существования. М., 1996. 352 с.
8. Городецкий 90 — *Городецкий Б.Ю.* От лингвистики языка — к лингвистике общения // *Язык и социальное познание.* М., 1990. С. 39-56.
9. Гудков 96 — *Гудков Д.Б.* Лингвистические и методические проблемы межкультурной коммуникации // *Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации.* М., 1996. С. 45-57.
10. Изаренков и др. 97 — *Изаренков Д.И., Чонг Зо Нгуен.* Сферы общения как лингвометодическая категория. Исчисление сфер общения // *Лингвистические и лингводидактические основы обучения русскому языку как иностранному. К 30-летию ФПК: Сборник статей.* М., 1997. С. 94-105.
11. Караулов 87 — *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. 163 с.
12. Караулов 89 — *Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность.* М., 1989. С. 3-8.
13. Клобукова 95 а — *Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // *Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова: Тезисы докладов.* М., 1995. С. 321-323.
14. Клобукова 95 б — *Клобукова Л.П.* Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому общению на профессиональные темы: Автореф. ... д-ра пед. наук. М., 1995. 45 с.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 8. – 120 с. ISBN 5-89209-389-1

15. Клобукова 97 — *Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // *Язык, сознание, коммуникация* — М., 1997. Вып. 1. С. 25-31.
16. Клюканов 98 — *Клюканов И.Э.* Динамика межкультурного общения: Системно-семиотическое исследование. Тверь, 1998. 99 с.
17. Красных 97 а — *Красных В.В.* Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности // *Язык, сознание, коммуникация*. М., 1997. Вып. 1. С. 128-144.
18. Красных 97 б — *Красных В.В.* Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода // *Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике*. М., 1997. Вып. 3. С. 67-83.
19. Красных 97 в — *Красных В.В.* Коммуникативный акт и его структура // *Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике*. М., 1997. Вып. 4. С. 34-49.
20. Красных 97 г — *Красных В.В.* К вопросу о русской когнитивной базе и русском культурном пространстве // *Сопоставительная грамматика и теория коммуникации*. М., 1997. С. 23-33.
21. Красных 97 д — *Красных В.В.* О чем не говорит "человек говорящий"? (к вопросу о некоторых лингвокогнитивных аспектах коммуникации) // *Лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации: Сб. статей*. М., 1997. С. 81-91.
22. Красных и др. 96 — *Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* О tempora, о mores! Новые структуры русской когнитивной базы // *Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации*. М., 1996. С. 107-120.
23. Лотман 92 — *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992. 272 с.
24. Морковкин и др. 94 — *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Язык, мышление и сознание et vice versa // *Русский язык за рубежом*, 1994, № 1. С. 63-70.
25. Назаров 90 — *Назаров С.И.* Языковая норма и языковая культура с позиции психолингвистики // *Нормы человеческого общения. Тезисы докладов научн. конф. Горький*, 1990. С. 19-20.
26. Почепцов 90 — *Почепцов О.Г.* Языковая ментальность: способ представления мира // *Вопросы языкознания*. 1990, № 6. С. 110-122.
27. Степанов 85 — *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
28. Тарасов 92 — *Тарасов Е.Ф.* Проблемы теории речевого общения. Научн. доклад по опубл. трудам, предст. к защите ... д-ра филол. наук. М., 1992. 55 с.
29. Формановская 98 — *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. 292 с.
30. Яковенко 98 — *Яковенко Н.Э.* Когнитивно-прагматический подход к пониманию текста (когнитивная внешности): Автореф. ... к-та филол. наук. Краснодар, 1998.